

Генрик Ибсен

РОСМЕРСХОЛЬМ

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Йуханнес Росмер , владелец Росмерсхольма, бывший приходский пастор.

Ребекка Вест , живет в доме Росмера.

Ректор¹ **Кролл** , зять Росмера.

Ульрик Брендель .

Педер Мортенсгор .

Мадам Хельсет , экономка в Росмерсхольме.

Действие происходит в Росмерсхольме, старой дворянской усадьбе, вблизи городка, лежащего на одном из фьордов западной Норвегии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в Росмерсхольме — просторная, уютная, обставленная в старинном вкусе. Впереди, у стены направо, печь, украшенная пучками свежих

---

¹ *Ректор* — в Норвегии также директор гимназии, семинарии и т. п.

березовых веток и полевых цветов. Подальше за нею дверь. В средней стене двустворчатые двери в переднюю. В стене налево окно и перед ним жардиньерка с растениями и цветами. У печки стол с диваном и креслами. По стенам развешаны старинные и новые портреты пасторов, офицеров и чиновных особ в мундирах. Окно раскрыто, двери в переднюю и наружная дверь из передней также раскрыты. В последнюю дверь видна аллея из больших старых деревьев, ведущая к усадебному двору. Летний вечер после заката солнца.

Ребекка сидит в кресле у окна и вяжет из шерсти большой платок, почти уже готовый, время от времени поглядывая из-за цветов в окно и высматривая кого-то между деревьями. Немного спустя справа входит мадам Хельсет.

Мадам Хельсет . Пожалуй, пора помаленьку накрывать на стол к ужину, фрекен?

Ребекка . Да, накрывайте. Пастор, верно, скоро вернется.

Мадам Хельсет . Не надуло бы вам тут, фрекен? Ужасный сквозняк.

Ребекка . Да, немножко дует. Закройте, пожалуйста.

Мадам Хельсет (*закрывает двери в переднюю и направляется к окну, чтобы закрыть его; выглядывая в окно*). Да не пастор ли это идет там?

Ребекка (*живо*). Где? (*Встает*). Да, он. (*Прячется за занавесью*). Отойдите. Не надо, чтобы он нас заметил.

Мадам Хельсет (*отойдя от окна*). Нет, подумайте, фрекен, — опять стал ходить мельничной тропинкой.

Ребекка . Он и позавчера там прошел. (*Заглядывая в щельюку между занавесью и косяком окна*). Но вот посмотрим теперь...

Мадам Хельсет . Хватит ля у него духу перейти через мостик?

Ребекка . Вот это-то я и хочу посмотреть. (*Немного погодя*). Нет. Повернул. И сегодня верхней дорогой пойдет. (*Отходит от окна*). В обход.

Мадам Хельсет . Ох, господи! Нелегко, видно, пастору перейти через этот мостик. Там, где такое стряслось, там...

Ребекка (*складывая работу*). Вы тут, в Росмерсхольме, долго держитесь за своих покойников.

Мадам Хельсет . А по-моему, так покойники долго держатся за Росмерсхольм.

Ребекка (*смотрит на нее*). Покойники?..

Мадам Хельсет . Да, выходит так, будто они никак не могут расстаться с теми, что остались тут.

Ребекка . С чего вы это взяли?

Мадам Хельсет . А то откуда бы взяться

этому белому коню?

Ребекка . Да что это, собственно, за белый конь такой, мадам Хельсет?

Мадам Хельсет . Не стоит об этом и толковать. Все равно вы ничему такому не верите.

Ребекка . А вы, значит, верите?

Мадам Хельсет (*собираясь закрыть окно*). Ну, так я вам и далась на зубок, фрекен. (*Выглядывая в окно*). Ай... да никак пастор опять вышел на мельничную тропинку?..

Ребекка (*глядя в окно со своего места*). Вон тот человек? (*Подходя к окну*). Да ведь это ректор!

Мадам Хельсет . Верно — ректор!

Ребекка . Нет, вот славно! Увидите, он к нам.

Мадам Хельсет . И прямехонько через мостик! Даром, что она ему родная сестра была... Ну, так я пойду накрою на стол, фрекен. (*Уходит направо*).

Ребекка некоторое время неподвижно смотрит в окно, затем улыбается и кивает. Начинает смеркаться.

Ребекка (*идет к двери направо и говорит в соседнюю комнату*). Голубушка мадам Хельсет, вы уж постарайтесь подать к ужину что-нибудь получше. Вы ведь знаете, что ректор больше любит.

Мадам Хельсет (*из другой комнаты*). Хорошо, фрекен. Постараюсь.

Ребекка (*отворяя дверь в переднюю*). Ну,

наконец-то!.. Добро пожаловать, дорогой ректор!

Кролл *(в передней, ставя палку в угол)*.
Благодарю. Так я не обеспокою своим посещением?

Ребекка . Вы? Полно, как вам не стыдно!

Кролл *(входя)*. Всегда любезны. *(Озираясь)*.
А Росмер разве у себя наверху?

Ребекка . Нет, он пошел гулять, да вот что-то замешкался против обыкновения. Но теперь, верно, сию минуту придет. *(Указывая на диван)*.
Пожалуйста, присядьте пока...

Кролл *(положив шляпу на стол)*. Очень благодарен. *(Садится и озирается)*. Однако какой нарядной стала у вас эта старая комната, премило. Везде цветы.

Ребекка . Росмер ужасно любит свежие, живые цветы вокруг себя.

Кролл . И вы, по-видимому, также?

Ребекка . Да. По-моему, они так сладко одурманивают своим ароматом. Прежде нам приходилось отказывать себе в этом удовольствии.

Кролл *(грустно качая головой)*. Бедная Беата не переносила запаха цветов.

Ребекка . И красок тоже. У нее голова кружилась...

Кролл . Помню, помню. *(Переходя на обыкновенный разговорный тон)*. Ну, как же теперь идут у вас дела?

Ребекка . Да ничего, все идет своим чередом,

потихоньку. День за днем. А у вас как? Что ваша супруга?..

Кролл . Ах, дорогая фрекен Вест, не будем говорить о моих делах. В семье всегда — не одно, так другое, все какие-нибудь неприятности. Особенно в теперешние времена.

Ребекка (*немного погодя садится в кресло у дивана*). Почему вы ни разу не заглянули к нам за все каникулы?

Кролл . Ну, нельзя же постоянно обивать у людей пороги...

Ребекка . Знали бы вы, как мы скучали по вас!..

Кролл ...И к тому же я уезжал...

Ребекка . Всего недели на две. Принимали участие в народных сходках?

Кролл (*кивая*). Да, что вы скажете на это? Думали ли вы, что я на старости лет запишусь в политические агитаторы? А?

Ребекка (*улыбаясь*). Немножко-то вы всегда агитировали, господин ректор.

Кролл . Ну да, так, ради личного удовольствия. Но теперь этим приходится заняться всерьез, право... Вы когда-нибудь читаете радикальные газеты?

Ребекка . Да, дорогой ректор, не скрою, что...

Кролл . Милая фрекен Вест, в этом ничего такого нет. По крайней мере, что касается вас.

Ребекка . И я так думаю. Нельзя же отставать от века. Надо знать...

Кролл . Во всяком случае, от вас, как от женщины, я и не стал бы требовать, чтобы вы решительно стали на чью-нибудь сторону в этой гражданской междоусобице... я готов сказать — гражданской войне, которая у нас свирепствует... Ну, следовательно, вы знаете, как эти господа «из народа» изволят набрасываться на меня? Какие грубые, гнусные выходки позволяют себе по моему адресу?

Ребекка . Но, мне кажется, и вы довольно таки энергично огрызаетесь.

Кролл . Да, могу сказать. Теперь и я наточил зубы. Пусть узнают меня! Не таковский я им дался, чтобы покорно подставлять спину под удары... *(Обрывая)*. Однако не будем сегодня вдаваться в эту прискорбную, изматывающую тему.

Ребекка . Не будем, не будем, дорогой ректор.

Кролл . Скажите-ка мне лучше, как теперь у вас тут наладилась жизнь, когда вы остались одни? Со смерти нашей бедной Беаты?..

Ребекка . Благодарю, ничего. Конечно, без нее стало так пусто. Скучно, грустно, разумеется. А то вообще...

Кролл . Вы думаете остаться тут? То есть совсем, хочу я сказать.

Ребекка . Ах, дорогой ректор, право, я ничего

еще не думаю. Конечно, я так уже обжилась в Росмерсхольме, что мне кажется, будто я своя здесь в доме.

Кролл . Вы, — ну, еще бы!

Ребекка . И пока господин Росмер находит, что я могу немножко быть ему полезной, скрасить ему жизнь, я, верно, и поживу здесь.

Кролл (*глядит на нее растроганно*). Знаете, это великая черта в женщине — способность вот так жертвовать своей молодостью для других.

Ребекка . Ах! А то для чего бы мне и жить!

Кролл . Сначала вы не знали ни отдыха ни покоя с этим капризным, несносным паралитиком — приемным отцом вашим...

Ребекка . Нет, знаете, пока мы жили в Финмаркене², доктор Вест вовсе еще не был таким несносным. Его доканали эти ужасные морские поездки. А вот когда мы переехали сюда... тогда, правда, выпали два-три тяжелых года, пока он не отстрадал свое.

Кролл . А последующие годы разве не были для вас еще тяжелее?

Ребекка . Нет, что вы! Я так искренне любила Беату... И ей, бедняжке, так нужен был уход, заботы и ласки.

---

² *Финмаркен* — область на крайнем севере Норвегии.

Кролл . Честь вам и хвала, что вы вспоминаете о ней с таким участием и снисхождением.

Ребекка (*придвигаясь поближе*). Дорогой ректор, вы сказали это так мило, сердечно, что я уверена — за вашими словами не скрывается ни тени неудовольствия.

Кролл . Неудовольствия? Что вы хотите этим сказать?

Ребекка . Ну, ничего не было бы удивительного, если б вам было неприятно видеть меня, чужую женщину, хозяйкой в Росмерсхольме.

Кролл . Да что вы, господь с вами!..

Ребекка . Значит, этого нет. (*Протягивая ему руку*). Благодарю, дорогой ректор! Спасибо, спасибо вам за это.

Кролл . Да как, скажите на милость, могла прийти вам в голову такая мысль?

Ребекка . Я стала немножко побаиваться этого, — ведь вы так редко заглядывали к нам.

Кролл . Поистине, вы глубоко заблуждались в данном случае, фрекен Вест. И кроме того... по существу ведь и нет никакой перемены. Вы же, вы одна заправляли всем домом под конец жизни бедной Беаты.

Ребекка . Ну, тогда это было нечто вроде регентства именем хозяйки дома.

Кролл . Как бы там ни было... Знаете что,

фрекен Вест, я со своей стороны, право, ничего не имел бы и против того, чтобы вы... Но, пожалуй, об этом неудобно даже говорить...

Ребекка . То есть о чем?

Кролл . Ну, о том, чтобы дело сложилось так, что вы заняли бы опустевшее место...

Ребекка . Я занимаю то место, какое желаю, господин ректор.

Кролл . Фактически, но не...

Ребекка (*прерывая его, серьезно*). Стыдно вам, ректор Кролл! Как это можно шутить такими вещами?

Кролл . Да, конечно, наш милый Йуханнес, пожалуй, сыт по горло брачной жизнью. Но все-таки...

Ребекка . Знаете, просто смешно становится, слушая вас.

Кролл . Все-таки!.. Скажите-ка мне, фрекен Вест, если позволено будет спросить, сколько вам, в сущности, лет? Ребекка. Стыдно признаться — целых двадцать девять, господин ректор. К тридцати годам подходит.

Кролл . Да-а. А Росмеру сколько? Постойте... он пятью годами моложе меня. Ну, значит, ему верных сорок три. По-моему, как раз пара.

Ребекка (*вставая*). Да-да, да-да, как раз... Вы напьетесь с нами чаю?

Кролл . Спасибо. Я и предполагал посидеть у

вас подольше. Надо поговорить об одном деле с милым нашим Йуханнесом. И затем, фрекен Вест... чтобы вы опять не стали задаваться неподходящими мыслями, я буду заходить сюда почаще — как в прежнее время.

Ребекка . Ах, пожалуйста. (*Пожимая ему руки*). Спасибо, спасибо! Вы все-таки очень добры и милы.

Кролл . Да? Ну, дома я что-то не слышу таких отзывов.

Йуханнес Росмер входит из дверей справа.

Ребекка . Господин Росмер... видите, кто у нас?

Росмер . Мадам Хельсет уже предупредила меня.

Кролл встает.

(*Пожимая ему руки, тихо и мягко*). Добро пожаловать опять в наш дом, дорогой Кролл. (*Кладет ему руки на плечи и заглядывает в глаза*). Дорогой старый друг! Я так и знал, что когда-нибудь все пойдет у нас опять по-прежнему.

Кролл . Милый ты человек! И ты тоже забрал себе в голову эту нелепую фантазию, будто между нами закралось что-то такое?..

Ребекка (*Росмеру*). Подумайте, как хорошо, что все это была одна фантазия.

Росмер . Это действительно так, Кролл? Тогда почему же ты совсем отдалился от нас?

Кролл (*серьезно, понижая тон*). Потому что мне не хотелось ходить тут живым напоминанием о тех злополучных годах... и о ней... покончившей жизнь в мельничном водопаде.

Росмер . Побуждения у тебя, значит, были самые прекрасные. Ты всегда так чуток и деликатен. Но, в сущности, совсем напрасно было удаляться от нас по этой причине. Ну, пойдем же, сядем на диван. (*Садятся*). Нет, мне совсем не больно вспоминать Беату. Мы ежедневно говорим о ней. Она все еще как будто живет тут, с нами.

Кролл . В самом деле?

Ребекка (*зажигая лампу*). Да, конечно.

Росмер . Да это же так понятно. Мы оба всей душой любили ее. И Ребек... и фрекен Вест и я — оба мы сознаем, что делали все, что могли, для бедной страдальцы. Нам не в чем упрекнуть себя. Поэтому, мне кажется, наши воспоминания о Беате и овеваны таким мягким, кротким чувством.

Кролл . Ах вы, милые, славные люди! Теперь я буду приходить к вам каждый день.

Ребекка (*садясь в кресла*). Ну, смотрите же, сдержите слово.

Росмер (*несколько растягивая слова*). Знаешь, Кролл, я бы дорого дал, чтобы наши отношения с тобой никогда не прерывались. Все время, что мы знаем друг друга, я смотрел на тебя как на первого своего друга и советчика. С тех

самых пор, как был еще студентом.

Кролл . Помню. И я чрезвычайно дорожу этими нашими отношениями. Но разве теперь у тебя есть что-нибудь такое особенное?..

Росмер . Много, много, о чем хотелось бы мне побеседовать с тобой откровенно. По душе.

Ребекка . Не правда ли, господин Росмер? Мне кажется, это было бы так хорошо... Между старыми друзьями...

Кролл . Поверь, и у меня есть, о чем поговорить с тобой. Я ведь теперь втянулся в активную политику, как тебе, вероятно, известно.

Росмер . Да, знаю. А как, собственно, это произошло?

Кролл . Пришлось, видишь ли. Поневоле. Невозможно больше оставаться праздным зрителем. Теперь, когда радикалы столь прискорбным образом захватили власть, — как раз во благовремение... Оттого я и убедил наш маленький кружок в городе сплотиться теснее. Во благовремение, говорю я!

Ребекка (*с беглой улыбкой*). А не позднеенько ли, собственно?

Кролл . Бесспорно, лучше было бы остановить течение на более ранней его стадии. Но кто же мог предвидеть, куда все это заведет? Я, во всяком случае, не мог. (*Встает и ходит по комнате*). Теперь же глаза у меня открылись.

Теперь мятежный дух проник даже в самую школу.

Росмер . В школу? Не в твою же, однако?

Кролл . Именно. В мою собственную. Каково это тебе покажется! Узнаю вдруг, что юнцы старшего класса — то есть некоторые из них — вот уже с полгода образовали тайный кружок и выписывают газету Мортенсгора!

Ребекка . А, «Маяк»?

Кролл . Да. Как, по-вашему, — здоровая это духовная пища для будущих чиновников? Но самое прискорбное в данном случае то, что стакнулись и устроили такой заговор против меня все самые способные ученики! В стороне остались одни тупицы, второгодники.

Ребекка . И вы так близко принимаете это к сердцу, ректор?

Кролл . Принимаю ли! Когда мне суют палки в колеса, портят дело всей моей жизни! (*Понизив голос*). Но я готов сказать, что и это бы еще с полгоря. А вот что хуже всего... (*Озираясь*). Надеюсь, нас никто не подслушивает за дверями?

Ребекка . О, никто, никто.

Кролл . Так знайте же — мятеж и раздор проникли и в мой собственный дом. В мою собственную тихую семью. Нарушили мир моей семейной жизни.

Росмер (*встает*). Что ты говоришь! У тебя в доме?..

Ребекка (*подходя к ректору*). Дорогой ректор, что же такое случилось?

Кролл . Представьте себе, мои собственные дети... одним словом... мой Лауриц — главарь этой шайки школьников! А Хильда вышила красную папку, чтобы прятать туда номера «Маяка»!

Росмер . Вот чего мне никогда не снилось... чтобы у тебя... в твоём доме!..

Кролл . Да кому бы это приснилось? В моём доме, где всегда царил дух послушания и порядка... где до сего времени царило единодушие, одна воля...

Ребекка . А как приняла это ваша супруга?

Кролл . Да, вот это-то самое невероятное! Всю свою жизнь, и в мелочах и в серьёзных вопросах, она разделяла мои мнения, одобряла все мои взгляды, и вдруг, оказывается, теперь во многом готова склониться на сторону детей. Да ещё меня же винит в том, что случилось. Говорит, что я угнетаю молодежь. Как будто не необходимо именно... Так вот какой раздор вселился в мой дом. Но я, разумеется, по возможности избегаю говорить об этом. О таких делах лучше молчать. (*Ходит по комнате*). О-хо-хо-хо! (*Останавливается с заложенными за спину руками у окна и смотрит в него*).

Ребекка (*приближается к Росмеру и говорит ему быстрым шепотом, незаметно для ректора*).

Скажи ему!

Росмер *(так же)*. Не сегодня.

Ребекка *(так же)*. Именно сегодня!
(Отходит и поправляет лампу).

Кролл *(возвращается от окна)*. Так вот, дорогой Росмер, теперь ты знаешь, что дух времени осенил своими темными крылами и мою семейную жизнь и мое официальное поприще. И чтобы я да не стал бороться с этим пагубным, растлевающим и всесокрушающим духом времени любым оружием, какое только попадетя под руку? Нет, я твердо решил действовать. И пером и словом.

Росмер . И надеешься чего-нибудь достигнуть таким путем?

Кролл . Во всяком случае, хочу отбыть воинскую повинность гражданина. И, по-моему, патриотический долг обязывает к тому же всех и каждого, кто стоит за добро и за правое дело. Вот по этому поводу я главным образом и пришел к тебе сегодня.

Росмер . Но, дорогой мой, что ты хочешь сказать? Что же я могу?..

Кролл . Помочь своим старым друзьям. Поступать, как мы. Идти с нами рука об руку, по мере возможности.

Ребекка . Но вы же знаете, ректор, господину Росмеру все это не по душе.

Кролл . Свое нерасположение ему придется

как-нибудь побороть. Ты плохо следишь за веком, Росмер. Сидишь тут, зарывшись в свои исторические изыскания. Сохрани бог, я отношусь с полным уважением ко всем этим родословным и всему прочему. Да время-то теперь не такое, чтобы этим заниматься, к сожалению. Ты представить себе не можешь, в каком положении теперь страна. Чуть ли не все перевернулось вверх дном, изменились все понятия. Нужно положить гигантский труд на то, чтобы все восстановить, одолеть все заблуждения.

Росмер . И я так думаю. Но такого рода труд совсем мне не по плечу.

Ребекка . И вдобавок, я думаю, сам господин Росмер стал смотреть на жизнь шире, чем прежде.

Кролл (*пораженный*). Шире?

Ребекка . Да, — или свободнее. Более независимо и беспристрастно.

Кролл . Что это значит? Росмер... да не мог же ты оказаться настолько слабым, дать себя ослепить такой случайностью, что вожаки толпы одержали временную победу!

Росмер . Дорогой мой, ты ведь знаешь, как мало я смыслю в политике. Но, право, мне кажется, что в последние годы люди, отдельные личности стали мыслить как-то самостоятельнее.

Кролл . Н-ну, и ты это без дальнейших околичностей считаешь за благо? Как бы тебе тут

жестoko не ошибиться, друг мой! Ты прислушайся только, какие мнения в ходу у радикалов — и среди сельского населения и в городе. Та же самая премудрость, что проповедуется «Маяком».

Ребекка . Да, Мортенсгор имеет здесь сильное влияние на многих.

Кролл . Подумать, — человек с таким запятнанным прошлым! Человек, которого за безнравственность отрешили от должности преподавателя!.. И подобный господин туда же норовит в народные вожаки!.. И это ему удастся! Поистине, удастся! Теперь собирается, я слышал, расширить газету. Мне известно из верных источников, что он ищет опытного соредактора.

Ребекка . Удивляюсь, как это вы с вашими друзьями не предпримете чего-нибудь против него.

Кролл . Мы как раз и собираемся. Сегодня мы приобрели «Областной вестник». Финансовая сторона предприятия не представляет никаких затруднений. Но... (*Обращается к Росмеру*). Да, вот я и дошел до настоящей цели своего сегодняшнего визита. Ведение дела... ведение самой газеты — вот что нас затрудняет. Скажи мне, Росмер... не взял ли бы ты это на себя, чтобы поддержать правое дело?

Росмер (*почти с испугом*). Я!

Ребекка . Нет, что это вам вздумалось!

Кролл . Твою боязнь народных сходов и того

угощения, которым там любят потчевать, можно еще понять. Но деятельность редактора, который остается в большей мере в стороне, или, вернее...

Росмер . Нет, нет, дорогой друг! Об этом ты меня и не проси.

Кролл . Я бы сам охотно попытал свои силы на этом поприще. Но мне решительно не управиться. Я уже и без того завален делами без счета. Ты, напротив, свободен теперь от всяких служебных обязанностей. Мы, остальные, само собой, будем помогать тебе, насколько окажемся в силах.

Росмер . Не могу, Кролл. Не гожусь для этого.

Кролл . Не годишься? То же самое ты говорил, когда отец твой выхлопотал тебе место приходского пастора.

Росмер . И я был прав. Оттого я и ушел.

Кролл . Ах, будь только ты таким редактором, каким был пастором, — мы останемся довольны.

Росмер . Дорогой Кролл... говорю тебе раз навсегда: я не возьмусь за это дело.

Кролл . Ну, так хоть дай нам свое имя.

Росмер . Мое имя?

Кролл . Да, уже одно имя Йуханнеса Росмера будет крупным приобретением для газеты. Мы, остальные, ведь слышем за людей узко партийных. Я даже считаюсь ярим фанатиком, — мне говорили. Поэтому мы и не можем рассчитывать,

чтобы наши имена открыли газете доступ в массу, сбитую уже с толку. Ты, напротив, всегда держался вне борьбы партий. Весь твой мягкий, честный душевный склад... твой высокий образ мыслей... твоя неуязвимая честность известны и ценятся у нас здесь всеми. А к этому надо еще прибавить уважение и почтение, которое стяжала тебе твоя прежняя пасторская деятельность. И, наконец, старинное, почетное родовое имя!

Росмер . Ах, родовое имя...

Кролл (*указывая на ряд портретов*). Росмеры из Росмерсхольма — все пасторы, офицеры и администраторы, занимавшие высокие ответственные посты. Все корректные, благородные люди — род, который в течение вот уже скоро двух веков считается первым во всей области. (*Положив ему на плечо руку*). Росмер, ты обязан ради себя самого и во имя родовых традиций присоединиться к нам, стать на страже всего того, что до сих пор считалось справедливым в нашем обществе. (*Оборачиваясь*). Что вы скажете, фрекен Вест?

Ребекка (*с тихим смешком*). Дорогой ректор... мне просто смешно...

Кролл . Что такое? Смешно!

Ребекка . Ну да, потому что я вам скажу прямо...

Росмер (*быстро*). Нет, нет... не надо! Не теперь! Кролл (*глядя то на него, то на нее*). Да

что такое, ради самого неба, друзья мои?..
(Обрывая). Гм!..

Справа входит мадам Хельсет.

Мадам Хельсет . Там с черного хода пришел какой-то человек. Говорит, что хочет повидаться с пастором.

Росмер (*переводя дух*). А! Так попросите его сюда.

Мадам Хельсет . Сюда, в комнаты?

Росмер . Ну да.

Мадам Хельсет . Да он как будто не таков с виду, чтобы его пускать в комнаты.

Ребекка . А каков же он с виду, мадам Хельсет?

Мадам Хельсет . Да не больно казист, фрекен...

Росмер . Он не сказал своей фамилии?

Мадам Хельсет . Да, кажется, Хекман или что-то в этом роде.

Росмер . Никого такого не знаю.

Мадам Хельсет . Сказал еще, что зовут его Ульрик.

Росмер (*пораженный*). Ульрик Хетман! Так?

Мадам Хельсет . Да, да, Хетман.

Кролл . Это имя я когда-то слышал...

Ребекка . Да ведь так, кажется, подписывался тот... чудак...

Росмер (*Кроллу*). Это псевдоним Ульрика

Бренделя.

Кролл . Отпетого Ульрика Бренделя! Да, да!

Ребекка . Так он жив еще.

Росмер . Я думал, что он разъезжает с какой-то театральной труппой.

Кролл . Последнее, что я о нем слышал, — это, что он сидел в работном доме.

Росмер . Попросите его сюда, мадам Хельсет.

Мадам Хельсет . Хорошо. (*Уходит*).

Кролл . Неужто ты в самом делепустишь к себе на порог этого человека?

Росмер . Да ведь ты знаешь, он был когда-то моим учителем.

Кролл . Да, знаю, что он набивал тебе голову всякими мятежными мыслями и что отец твой выпроводил его за это из дому хлыстом.

Росмер (*с некоторой горечью*). Отец и дома держал себя майором.

Кролл . Скажи ему за это спасибо, милый Росмер... Н-ну!

Мадам Хельсет открывает дверь справа, впускает Ульрика Бренделя и снова затворяет ее. Он видный мужчина, с несколько помятым лицом, но живой и бойкий, с седыми волосами и бородой. Костюмом же смахивает на бродягу. Истасканный сюртук, никаких признаков белья, плохая обувь. На руках старые перчатки, под мышкой грязная мягкая шляпа, в руке тросточка.

Брендель (сначала неуверенно, но затем бойко направляется к ректору и протягивает руку). Добрый вечер, Йуханнес!

Кролл . Извините...

Брендель . Не ожидал свидеться со мной снова? Да еще в этих ненавистных стенах?

Кролл . Извините... (Указывая). Вот...

Брендель (оборачиваясь). Верно. Вот он, Йуханнес... мой мальчик... мой любимец!..

Росмер (протягивает ему руку). Мой старый учитель!

Брендель . Вопреки некоторым воспоминаниям, я не захотел пройти мимо Росмерсхольма, не завернув на минутку.

Росмер . И вам здесь сердечно рады теперь. Будьте уверены.

Брендель . А эта привлекательная дама?.. (Кланяясь). Разумеется, фру пасторша?

Росмер . Фрекен Вест.

Брендель . Вероятно, близкая родственница. А сей незнакомец? Очевидно, собрат твой.

Росмер . Ректор Кролл.

Брендель . Кролл? Кролл? Постой. Вы были в молодости на филологическом факультете?

Кролл . Само собой разумеется.

Брендель . Donnerwetter!³ Так я тебя звал!

---

³ Donnerwetter (нем). — черт побери!

Кролл . Извините...

Брендель . Разве не ты был...

Кролл . Извините...

Брендель ...одним из тех жандармов добродетели, которые изгнали меня из «Дискуссионного кружка»?

Кролл . Весьма возможно. Но я протестую против всякого более близкого знакомства.

Брендель . Но-но! *Nach Belieben*⁴, господин доктор. Мне все едино. Ульрику Бренделю от этого ни тепло ни холодно.

Ребекка . Вы, верно, направляетесь в город, господин Брендель?

Брендель . Фру пасторша угадала. Время от времени я принужден вступать в борьбу за существование, давать маленькое сраженьице. Неохотно я это делаю, но... *enfin*⁵!.. настоятельная необходимость...

Росмер . Дорогой господин Брендель, не позволите ли вы мне помочь вам чем-нибудь? Так или иначе — хочу я сказать...

Брендель . Ха! Такое предложение! Ты бы

---

⁴ *Nach Belieben* (нем). — как угодно.

⁵ *Enfin* (франц). — наконец, словом.

хотел осквернить те узы, которые связывают нас? Никогда, Йуханнес... никогда!

Росмер . Но что же вы думаете предпринять в городе? Поверьте, вам нелегко будет...

Брендель . Предоставь уж это мне, мой мальчик. Жребий брошен. Перед тобой человек, который выступает в длительный поход. Более длительный, нежели все мои прежние набегив вместе. (*Ректору*). Дозволено будет спросить господина профессора, — unter uns⁶, - имеется ли в вашем почтенном городе сколько-нибудь приличная респектабельная и поместительная зала для сходов?

Кролл . Самая поместительная — в Союзе рабочих.

Брендель . Имеет ли господин доцент какое-либо осязательное влияние в этом, без сомнения, полезном союзе?

Кролл . Я не имею к нему никакого отношения.

Ребекка (*Бренделю*). Вам надо обратиться к Педеру Мортенсгору.

Брендель . Pardon, madame, — это что за идиот?

Росмер . Почему вы непременно полагаете,

---

⁶ *Unter uns* (нем). — между нами.

что он идиот?

Брендель . Разве не слышно сразу по имени, что это плебей?

Кролл . Такого ответа я не ожидал.

Брендель . Но я превозмогу себя. Делать нечего. Раз мой жизненный путь дошел теперь до поворотного пункта... Решено. Я вступлю в сношения с указанной особой... завяжу переговоры....

Росмер . Вы серьезно дошли до поворотного пункта? Брендель. Разве мой мальчик не знает, что до чего бы ни дошел Ульрик Брендель, он дошел до этого серьезно? Да, видишь ли, я хочу облечься в нового человека. Покинуть выжидательное положение, которого доселе держался.

Росмер . Как?..

Брендель . Хочу воздействовать на жизнь — сильной и деятельной рукою. Выйти на арену. Выступить. Настало время бурь, солнцеворота. И я хочу возложить свою лепту на алтарь освобождения.

Кролл . И вы?..

Брендель (*ко всем*). Известны ли публике более или менее подробно мои разбросанные литературные творения?

Кролл . Нет, должен откровенно признаться...

Ребекка . Я кое-что читала. У моего

приемного отца они были.

Брендель . Прекрасная хозяйка дома, вы потратили ваше время даром. Потому что все это одна труха, скажу я вам.

Ребекка . Вот как?

Брендель . То, что вы читали, — да. Самых важнейших моих произведений никто не знает, никто, кроме меня самого.

Ребекка . Почему же?

Брендель . Потому что они не написаны.

Росмер . Но, дорогой господин Брендель...

Брендель . Тебе известно, Йуханнес, что я чуточку сибарит *Feinschmecker*⁷. Всегда был таков. Я люблю наслаждаться в одиночестве. Тогда я наслаждаюсь вдвойне, вдесятерне. Видишь ли, когда ко мне слетали золотые грезы творчества... окутывали меня своей дымкой... когда новые, головокружительно смелые мысли рождались в моей голове, обвевали меня своими крылами... тогда я сплетал их в поэму, в образы, картины. То есть в общих чертах, понимаешь.

Росмер . Да, да.

Брендель . И как я наслаждался на своем веку! Загадочное блаженство творчества, — в общих чертах, как я уже сказал, — одобрение,

---

⁷ *Feinschmecker* (нем). — гурман.